

Н. В. Берг

**Записки об осаде
Севастополя**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. В. Берг**
Записки об осаде Севастополя: Том 2 / Н. В. Берг – М.: Книга по Требованию,
2014. – 250 с.

ISBN 978-5-518-08171-0

ISBN 978-5-518-08171-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

VI.

Возвращеніе на Коварну. — Церковь перенесена изъ Михайловскаго собора въ Николаевскую батарею. — Открытіе торговаго отдѣленія въ батарею. — Замѣчательный ударъ бомбы. — Екатерининская улица въ это время. — Постройка моста съ Сѣверной стороны на Южную. — Боченокъ-бомба. — Бомбы на Сѣверной сторонѣ. — Черезъ часъ по ложкѣ. — Перегрузка спирту на фрегатъ Коварну. — Пожаръ транспорта Березани. — Последняя бомбардировка. — Почта. — Пожаръ Коварны.

Я воротился на фрегатъ вечеромъ, раздѣлся въ первый разъ послѣ того, какъ простился со своими, легъ и проспалъ 16 часовъ сряду, на одномъ боку, не вида никакихъ сновъ.

Нечего говорить, что пораженіе на Черной грустно отозвалось въ Севастополѣ. Утро 4-го августа — это были послѣднія минуты нашей жизни и нашей надежды. Къ вечеру все умерло... Мы стали 'прощаться съ Севастополемъ. То, чего не высказывали до тѣхъ поръ, что копилось въ продолженіи многихъ дней, — вырвалось наружу...

5-го августа неприятель открылъ новую бомбардировку об-ихъ нашихъ фланговъ, и продолжалъ ее, съ разными разста-новками, до 11-го.

Въ Михайловскій соборъ (еще 2-го числа, въ часъ обѣдни) ударила бомба, пробила крышу, полъ, и разорвалась въ под-валѣ, гдѣ хранилось 85 пудовъ свѣчей. Часть ихъ подняло взрывомъ на воздухъ и разбросало кругомъ. Многія иконы по-падали со стѣнъ и нѣсколько человѣкъ прихожанъ ранено. Въ послѣдствіи довольно долго, на сосѣднихъ дворахъ и крышахъ, находили свѣчи.

Это происшествіе заставило перенести церковь въ Нико-лаевскую батарею, для чего очистили два каземата, въ ниж-немъ этажѣ, не подалеку отъ главнаго входа. Но все-таки это была весьма небольшая церковь, гдѣ никакъ не помѣщались всѣ приходившіе молиться. Нѣкоторая часть постоянно сто-яла въ дверяхъ и въ коридорѣ, между наружными арками и стѣнкой.

Лавки также перешли въ Николаевскую батарею, немного правѣе отъ церкви. Даже явилась надпись на черной доскѣ бѣлыми буквами: *Торговое отдѣленіе*. Тамъ оставались до конца купцы: Поповъ, торговавшій бакаліей; Гахъ — крас-нымъ товаромъ; Коломейцевъ — галантерейными и офицер-скими вещами; Кефели — краснымъ товаромъ, и Ветчин-кипа — краснымъ же товаромъ. Всѣ они выбрались только за недѣлю до оставленія Севастополя.

Вскорѣ туда перешелъ и военный губернаторъ города, вице-адмиралъ Повосильскій, жившій до того времени въ домѣ Нахимова.

Николаевская батарея была, кажется, единственное зданіе на всей Южной сторонѣ, котораго не пробивали бомбы¹⁾. Мнѣ

¹⁾ Можетъ быть еще Александровская батарея имѣла такую же прочность.

случалось заходить къ пріятелю, занимавшему одинъ изъ казематовъ въ нижнемъ ярусѣ батареи. У него собиралась по вечерамъ большая компанія, играли на фортепьянахъ, пѣли, «гнули, Богъ ихъ прости, отъ пятидесяти — на сто», и нерѣдко вошедшій новый гость возвѣщалъ, что надъ нами, на крышу упала бомба: мы никогда не слыхали ни малѣйшаго звука. И такое зданіе, въ полверсты длиной, взлетѣло, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на воздухъ, какъ одинъ небольшой камень!

Въ Корабельной подобное непробиваемое зданіе была единственно Павловская батарея.

Всѣ остальные строенія, какъ на Южной, такъ и въ Корабельной, бомбы пронизывали насквозь, отъ потолка до фундамента. Я помню одинъ замѣчательный ударъ бомбы въ Александровскія казармы: бомба упала на крышу главного корпуса, обращеннаго фасадомъ къ Южной бухтѣ, прошла 4 этажа, и остановилась въ подвалѣ, гдѣ ее не пустилъ дальше каменный полъ. Тамъ въ это время жило одно матросское семейство: мужъ и жена съ двумя дѣтьми. Мужа не было, а жена спала, вмѣстѣ съ малютками, въ углу, на кровати, и конечно ей, защищенной четырьмя потолками, не снилась смерть... бомба тихо подкатилась подъ кровать и подняла ее на воздухъ, при чемъ однимъ осколкомъ пробило два потолка вверхъ.

Я ходилъ нарочно въ казармы посмотрѣть на слѣды этого любопытнаго удара, и видѣлъ всѣ пробоины. Въ одномъ этажѣ бомбѣ попались на дорогѣ какіе-то сундуки, лежавшіе въ нѣсколько рядовъ, — и все это прорѣзала она, какъ листъ бумаги, только скрипнули однимъ общимъ скрипомъ всѣ 4 пола.

Страшнѣе и страшнѣе становилось въ Севастополѣ. Екатерининская улица опустѣла совсѣмъ: Это была на ту пору дорога бомбъ и ядеръ, которыя неслись вдоль ея, какъ-бы

изъ невидимой пасти. Пройдя по маленькой площадкѣ мимо дворца Государыни Екатерины ¹⁾, невольно поворачиваль голлову налѣво, въ улицу, и заглядываль въ эту пасть. Уже никого не двигалось тамъ. Развѣ-развѣ гремѣла широкая фурштатская телега, нагруженная турами, которыя везла на бастіонъ. Стоило любаго сраженія пройтись въ эти дни по какой угодно улицѣ Севастополя.

Между тѣмъ черезъ главную бухту, отъ Николаевскихъ казармъ къ Михайловской батарее, повели мостъ. Это не было для насъ неожиданностью: постройка моста рѣшена была еще въ іюнь.

23 іюня генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ (начальникъ инженеровъ) получилъ приказаніе главнокомандующаго отправиться для закупки лѣса на разныхъ пристаняхъ Новороссіи. Его закупили въ городѣ Херсонѣ и въ деревняхъ: Каховкѣ, Каменкѣ и Иваненковѣ, за 60 тысячъ руб. серебромъ, съ доставкой, всего 1,200 бревенъ, каждое въ 6 сажень длины и до 7-ми вершковъ толщины въ вершинѣ.

Первый транспортъ прибылъ на лошадяхъ 14 іюля и тогда же, для примѣра, сплоченъ первый плотъ. Къ августу стали подвозить матерьялы на волахъ, безостановочно, и 2 августа началась постоянная работа. Работало 40 саперъ и 60 армейскихъ солдатъ, всего 100 человекъ, дѣлая въ день около 10 плотовъ. Желѣзо для оковки приготавливалось въ кузницахъ: артиллерійскихъ, инженерныхъ и полковыхъ. 14 числа мостъ былъ конченъ. Онъ состоялъ изъ 6-ти участковъ, въ 14 плотовъ каждый (всѣхъ плотовъ съ пристанями было 86), имѣя въ длину 430 сажень и 20 сажень пристаней. Полотно было шириною въ 3 сажени ²⁾.

¹⁾ Остатки его можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, на рисункѣ № 24.

²⁾ Въ Севастопол. Альбомѣ рисунокъ 17-й.

Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ плотовыхъ мостовъ, какіе когда-либо наводились для переправы войскъ. Онъ изумилъ быстротою постройки даже нашихъ европейскихъ учителей, которые всѣми мѣрами старались помѣшать его наведенію, пуская по немъ и вмѣстѣ по стоящимъ вокругъ кораблямъ около 500 навѣсныхъ ядеръ въ сутки; но не причинили ему почти никакого вреда. Я слышалъ, что въ мосту, подъ конецъ осады, оказалось только 27 пробоинъ. Хоть бы вчетверо столько! Ядро дѣлало въ полотнѣ едва замѣтную дыру — и больше ничего.

15 августа, въ Успеневъ день, послѣ обѣдни, мостъ открытъ и освященъ — и по немъ пошли и поѣхали цѣлыми толпами. Странно было слышать топотъ лошадей и громъ телегъ посрединѣ бухты, надъ зыбью волнъ, никогда не носившихъ на себѣ такого пояса. Огромныя бревна, торчавшія изъ-подъ полотна, скоро покрылись длинными свѣтлозелеными космами подводной травы, и въ этихъ космахъ, похожихъ на красивую, расчесанную на двѣ стороны бороду, гуляла постоянно мелкая рыба, какъ будто въ лѣсу, играя на солнцѣ подобно блестящимъ клинкамъ. Я часто засматривался на игры этой рыбки и на волненіе зеленыхъ бородъ, которые выросли у богатыря съ каждымъ часомъ длиннѣе и длиннѣе.

Сначала по мосту пускали съ билетами, но это оказалось неудобно и задерживало длинные обозы у пристаней. Стали пускать такъ. Было, говорить, забавное происшествіе съ однимъ билетомъ: какой-то матросъ попался на мосту офицеру, приставленному смотрѣть за порядкомъ. — «Билетъ есть?» — Есть! — «Давай сюда!» — Матросъ вынулъ состряпанную имъ самимъ записку, въ которой было сказано, что «по приказанію саперскаго адмирала Бухмеріуса дозволяется такому-то проходить черезъ мостъ во всякое время.»

Съ 16-го на 17-е число взлетѣлъ у непріятеля пороховой погребъ на Камчатскомъ редутѣ. Говорятъ, этотъ взрывъ сдѣланъ былъ бомбой, пущенной съ Будищевой батареи ¹⁾, и вотъ какимъ образомъ. Надо знать, что отъ извѣстнаго до извѣстнаго часа выпускалось съ каждой батареи опредѣленное число снарядовъ. Командиръ батареи, лейтенантъ Будищевъ, спросилъ ночью, поздно, когда уже думалъ прекратить стрѣльбу: « сколько послано бомбъ по спускѣ флаговъ? » — Ему отвѣчали: 9. — « Валяй 10-ю для четнаго числа! » — и это четное число подняло погребъ!

Вскорѣ послѣ этого взрыва, который занималъ насъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, былъ найденъ во рву, за 3-мъ бастиономъ, дубовый боченокъ, обитый желѣзными обручами и начиненный разнымъ горючимъ матеріаломъ. Это былъ первый гостинецъ въ этомъ родѣ ²⁾. Въ послѣдствіи непріятель кидалъ изрѣдка подобныя боченки на 1-й и 2-й бастионы и на Малаховъ курганъ, но эти снаряды не причиняли большаго вреда. Кромѣ того, еще позже, Французы пускали къ намъ кошолки съ мелкими гранатами, числомъ отъ 10 до 15 гранатокъ. Мы придумали въ этомъ родѣ большія жестяныя коробки, куда вкладывалось отъ 20 до 30 гранатъ.

23 августа непріятель поставилъ на Камчатскомъ редутѣ двѣ мортиры и началъ пускать бомбы по судамъ, расположеннымъ противъ Сѣверной балки, гдѣ находился, какъ уже извѣстно читателямъ, и нашъ фрегатъ « Коварна ». Первая бомба перелетѣла черезъ насъ и упала за гауптвахтой. Я помню, съ какимъ удивленіемъ смотрѣли мы на эту первую гостью Сѣвернаго берега. Намъ не вѣрилось, что это бомба. « Да не

¹⁾ Батарея, начинающая 3-е отдѣленіе, отъ Доковой балки вправо.

²⁾ Очеркъ его приложенъ къ Морскому Сборнику, 1855, октябрь, № 10.

ядро ли?» спрашивали мы у матросовъ. — Какое ядро: разорвалась! отвѣчалъ вахтенный.

Черезъ часъ прилетѣла другая и упала тамъ же. Матросы разглядѣли уже и батарею: «съ Катчатки палить!» сказали они намъ.

Это случилось въ обѣдъ. Потомъ бомбы стали падать вкругъ фрегата. Къ ужину вахтенный офицеръ уже изучилъ полетъ новыхъ бомбъ и замѣтилъ, что ихъ пускаютъ черезъ часъ. Мы примѣнили къ этому аптечное выраженіе: «черезъ часъ по ложкѣ», и послѣ ужина вышли на палубу наблюдать за новыми посѣтительницами. Такъ-какъ прописываемый рецептъ былъ извѣстенъ, то намъ не стоило никакого труда приготовить къ выжиданію въ надлежащую минуту.

Мы стали смотрѣть въ сторону Камчатки: тамъ чертили по небу сотни бомбъ; инныя взвивались высоко, и намъ часто казалось, что вотъ жалуетъ на фрегатъ, но вахтенный офицеръ говорилъ, что нѣтъ. «Вотъ къ намъ, такъ къ намъ!» сказалъ онъ вдругъ, и не ошибся: бомба взвилась совершенно вертикально (въ этомъ и было главное ея отличіе отъ другихъ, подымавшихся болѣе или менѣе косвенно), и ту же минуту стала выше и ярче всѣхъ, и скоро повисла у насъ въ зенитѣ. Мы невольно придвинулись къ гротъ-мачтѣ. Бомба достигла высшей точки, будучи отъ насъ больше нежели въ верстѣ, и потомъ начала опускаться, взявъ немного направо и гудя съ каждымъ мигомъ сильнѣе и страшнѣе. Чувствовалось, что несется нѣчто разрушающее; съ гуломъ смѣшивался рѣзкій свистъ и какъ-бы трескъ... вотъ, вотъ она въ трехъстахъ, въ двухъстахъ саженахъ отъ насъ, яркая, зыблущаяся звѣзда — и потомъ вдругъ что-то свиснуло мимо борту и въ бухтѣ закипѣла вода... невозможно уловить конца полета: точно его кто перерывалъ, обрѣзывалъ и бомба куда-то терялась...

Всѣ бомбы въ этотъ разъ ложились очень близко отъ фрегата, направо, или налѣво, но одна напугала насъ порядкомъ: ставши въ зенитѣ, она не повернула никуда, а ринулась прямо на насъ. Мы прилегли къ гротъ-мачтѣ. Бомба ударила подлѣ бушприта и отбила обѣ головы у золотого орла. Фрегатъ долго качался.

Но что всего страннѣе: въ этотъ самый день, когда къ намъ стали падать бомбы, кому-то вздумалось сгрузить на фрегатъ слишкомъ 200 бочекъ спирту, принадлежавшаго морской провіантмейстерской части, а потомъ переѣхала къ намъ и самая провіантмейстерская часть. Въ каютъ-компаніи устроили присутствіе, поставили зеркало и начали заниматься.

Разумѣется, чиновники не знали, что переѣзжаютъ подлѣ бомбы и ядра, и когда увидѣли, что на фрегатѣ также не безопасно, какъ и въ городѣ, принялись толковать между собою: нельзя ли кого попросить, чтобы ихъ свели оттуда на Сѣверную, или еще подальше.

Въ моей каютѣ было слышно всѣ бесѣды чиновниковъ. Однажды какой-то изъ нихъ сказалъ: «какъ быть съ запутаннымъ дѣломъ 45-го года?» — Э, братецъ, отвѣчалъ другой: стоить теперь беспокоиться о такихъ пустякахъ: дѣла лежатъ въ бочкахъ, на берегу, — попала бомба и сожгла бочку, гдѣ былъ 45-й годъ, вотъ и все!

Собственно, бумаги лежали на фрегатѣ; чиновникамъ и въ голову не приходило, что скоро участь, предоставленная ими одному 45-му году, постигнетъ всѣ запутанные и незапутанные года.

24 августа, утромъ, открылась послѣдняя, странная бомбардировка, какой, конечно, не было нигдѣ и никогда. Весь Севастополь (Южная и Корабельная стороны) потонули въ дыму, который поднимался сначала рѣдкими бѣлыми столбами,

но потомъ слился въ одно сѣрое, сплошное облако, и три дни сряду висѣло это облако надъ городомъ. Солнца на Южной сторонѣ вовсе не видали, хоть оно и свѣтило на небѣ. Иногда, среди непрерывнаго, ровнаго гула, раздавались потрясающіе залпы многихъ орудій. Это были такіе громы, что мы, кажется уже достаточно привыкшіе ко всему подобному, не могли выдерживать и высканькали изъ палатокъ посмотрѣть, что это такое: не разверзается-ли земля? И это еще въ лагерѣ, за нѣсколько верстъ отъ Севастополя! Что жъ было тамъ? Конечно все, что выдумала наука разрушеній, пошло въ дѣло. Но сколько бы я ни рассказывалъ, я не передамъ почти никакого понятія о томъ, что мы тогда видѣли и слышали.

Вечеромъ того-же дня (24 августа) въ 6 часовъ, мы пили съ однимъ офицеромъ чай въ капитанской каютѣ фрегата. Вдругъ раздался ударъ бомбы. «Какъ будто въ Березань ¹⁾?» сказалъ онъ. Мы подошли къ порту ²⁾ и увидѣли, что надъ Березанью дѣйствительно идетъ дымъ: обыкновенное явленіе послѣ паденія бомбы. Судно загорается всегда, но пожаръ тушатъ ведромъ воды, если бомба ударить въ одно дерево и нѣтъ по близости сала, или чего-нибудь другаго, способствующаго усиленію пламени. Мы отошли отъ порта и снова стали пить чай. Черезъ нѣсколько минутъ взглянули опять: дымъ не унимался. Все кругомъ засуетилось. На корабль Чесмы, стоявшемъ рядомъ съ Березанью, начали готовить помпы. Около транспорта явились катера и лодки, для принятія людей и груза; вслѣдъ за тѣмъ прибыли два парохода и стали вблизи. Дымъ валилъ около часу, перекинувшись черезъ бухту чернымъ

¹⁾ Транспортное судно, стоявшее неподалеку отъ насъ, вправо, если глядѣть на Севастополь.

²⁾ Квадратное отверстіе, въ родѣ окна, противъ котораго ставится орудіе. Число портовъ зависитъ отъ числа орудій.

изогнутымъ столбомъ. Потомъ хлеснуло пламя и прежде всего обхватило ванты фокъ-мачты. Мы поднялись на палубу. Было часовъ 8, когда пламя вошло въ свою силу и всё поняли, что судно должно погибнуть. Тогда нѣсколько катеровъ бросились завозить якорныя цѣпи, чтобы отдѣлить Березань отъ Чесмы и Маріи. Но цѣпи не подавались и Березань сыпала столбы искръ на Марію, которая стояла у нея подъ вѣтромъ. Все на кораблѣ пришло въ движеніе: десятки ведеръ опускались въ море, и потомъ поднимались вверхъ и обливали борта. Уже огромныя якорныя цѣпи перебиты, канаты завезены... однако желтѣютъ отъ огня бѣлыя бока бортовъ; искры липнутъ къ вантамъ... но вотъ тихо двинулся корабль, буксируемый пароходомъ, и выплылъ въ безопасное пространство.

Всѣ обратились къ пожару. Удивительное зрѣлище! Уже ванты фокъ-мачты обгорѣли и повисли съ высоты огненными лѣстницами, по которымъ перебѣгало и струилось золото пламени. Съ воздухомъ произошло что-то особенное: какой-то матовый, близкій къ вечернему, свѣтъ разлился повсюду. Имъ озарилось все небо съ его звѣздами, которыя, казалось ушли еще дальше въ глубь и мерцали чуть замѣтными синими огоньками. Имъ озарился и берегъ, съ толпящимся народомъ, и бѣлыя стѣны 4-го номера, и фигуры людей въ катерахъ; и ближніе корабли, обрисовавшіеся на темномъ фонѣ ночи во всѣхъ подробностяхъ: ярко стояли въ высотѣ бѣлыя столбы ихъ мачтъ, какъ бы раскаленные, и отчетливо чертились въ воздухѣ переплеты вантовъ, гдѣ глазъ разглядывалъ каждую петлю. Тѣмъ же особеннымъ свѣтомъ озарились и далекія горы съ ихъ батареями и разнообразными зданіями. Прибавьте къ этому трескъ пламени, шумъ множества веселъ, крики народу, и рѣзкій свистъ ядеръ и бомбъ, которыя стали падать чаще и чаще...

Какъ обыкновенно бываетъ при большихъ пожарахъ, лѣсныя